

Чижов Н. С. Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья первая) / Н. С. Чижов // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 221—247. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-221-247.

Chizhov, N. S. (2021). Soviet Poetic Underground in Critical and Scientific Coverage (First Article). *Nauchnyi dialog*, 8: 221-247. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-221-247. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-221-247

Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья первая)

Чижов Николай Сергеевич
orcid.org/0000-0001-7636-0780
кандидат филологических наук
старший преподаватель
n.s.chizhov@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (конкурс «Экспансия») проект № 20-112-50384 «Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении»

Soviet Poetic Underground in Critical and Scientific Coverage (First Article)

Nicolay S. Chizhov
orcid.org/0000-0001-7636-0780
PhD in Philology
Senior Lecturer
n.s.chizhov@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR (competition “Expansion”), project number 20-112-50384 “Soviet poetic underground in critical and scientific coverage”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В обзорной статье представлены результаты исследования литературно-критических работ, посвященных изучению советской андеграундной поэзии 1960—70-х годов. Показано, как в самиздатовской и тамиздатовской (за пределами Советского Союза) периодике освещался процесс освобождения неофициальной поэтической культуры от коллективистских установок советской идеологии и поиска ее представителями духовно-нравственных оснований жизни и творчества. Особое внимание в обзоре уделяется рефлексии неподцензурной критикой в отношении проблем восстановления неконформистскими поэтами связи с литературной традицией Серебряного века и формирования в их творчестве новых принципов художественного письма. В контексте этих процессов раскрывается ценностная природа феномена «христианского ренессанса» в андеграундной поэзии, его роль в развитии модернистской поэтической культуры второй половины XX века. В свете литературно-критической рецепции рассмотрена концепция «культурного движения» как стратегия объединения творческих сил в литературном андеграунде, определяющая ценностные горизонты неофициальной поэзии. Обосновывается, что «культурное движение» смыслилось неподцензурной критикой с позиции его идейной и институциональной самодостаточности, способности быть активным субъектом русской и мировой культуры.

Ключевые слова:

научный обзор; неподцензурная поэзия; поэтический авангард; литературно-критическая рецепция; христианский неомифологизм; модернистская традиция; культура Серебряного века.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a research of literary critical works devoted to the study of Soviet underground poetry in the 1960s and 70s are presented in the review article. It is shown how the process of liberation of unofficial poetic culture from the collectivist attitudes of Soviet ideology and the search by its representatives for the spiritual and moral foundations of life and creativity was highlighted in the sam- and tamizdat periodicals. Special attention in the review is paid to the reflection of uncensored criticism in relation to the problems of restoring the connection with the literary tradition of the Silver Age by nonconformist poets and the formation of new principles of artistic writing in their work. In the context of these processes, the value nature of the phenomenon of “Christian Renaissance” in underground poetry, its role in the development of modernist poetic culture in the second half of the 20th century is revealed. In the light of literary-critical reception, the concept of “cultural movement” is considered as a strategy for uniting creative forces in the literary underground, which determines the value horizons of unofficial poetry. It is substantiated that the “cultural movement” was interpreted by uncensored criticism from the standpoint of its ideological and institutional self-sufficiency, the ability to be an active subject of Russian and world culture.

Key words:

scientific review; uncensored poetry; poetic avant-garde; literary critical reception; Christian neomythologism; modernist tradition; culture of the Silver Age.

УДК 821.161.1+82-14“196/197”

Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья первая)

© Чижов Н. С., 2021

1. Введение

Исследование советского поэтического андеграунда как «автономного субполя русской литературы» [Кукулин] является одним из актуальных сегментов современного литературоведения. На это указывают опубликованные за последние два десятилетия несколько антологий неофициальной литературы Советского Союза, целый ряд монографий, сборников статей и диссертационных работ, посвященных как отдельным поэтам, так и поэтической андеграундной культуре в целом. Литературно-критические работы являются аутентичными документами эпохи, позволяют проследить, как формировалась культура оценки и интерпретации новейшей русской поэзии в историко-литературной перспективе, выявить закономерности и линии преемственности в традиции ее научно-критического освоения. К тому же поэзия в андеграундной культуре всегда занимала особое место, поскольку первой реагировала на социогуманитарные вызовы в советском обществе, в ее недрах происходила выработка ценностных моделей и стратегий художественного творчества, определяющих пути развития русской литературы в XX—XXI веках.

Целью обзорной статьи является системное описание литературно-критической рецепции поэтического андеграунда 1960—70-х годов в советской неподцензурной и русской зарубежной периодике.

2. Проблемы периодизации и самоназвания андеграундной поэтической культуры

В заглавии статьи используется один из общепринятых в критике и литературоведении вариантов обозначения поэтических практик, бытовавших в русской неподцензурной литературе во второй половине XX века. Самими ее участниками пространство альтернативной русской культуры <словесного творчества> именовалось по-разному. Можно выделить следующие наиболее распространенные определения: неконформистская, неофициальная, левое искусство, «вторая культура», «движение неконформистов», «вторая литературная действительность» [Иванов, 1985, с. 239; Кривулин, 1979б, с. 243]. Данная терминология формулировалась с позиции бинарного противопоставления рассматриваемого

социокультурного феномена господствующей в Советском Союзе официальной литературе и с учетом ситуации творческого и этического самоопределения художников слова по отношению к ней. Заметим, что в зарубежной и советской неподцензурной критике неоднократно отмечались двусмысленность и отрицательная семантика указанных определений, невозможность выразить ими всю сложность советского литературного процесса последней трети XX века [Кривулин, 1979б, с. 240; Боулт, 1980; Новиков, 1979, с. 237; Иванов, 1985, с. 239; Нечаев, 1978, с. 242]. Попытки рассмотреть неподцензурную литературу в более широком культурно-историческом контексте, вывести ее за границы моделей бинарного противостояния с литературным официозом и предложить новый понятийно-категориальный аппарат, позволяющий зафиксировать принципиально иное видение проблемы, были предприняты только в конце 1970-х — начале 80-х годов.

Обратимся к периодизации неподцензурной поэзии и обозначим основные этапы ее развития в свете рецепции андеграундной критики. Вопрос о начале разделения единой литературы на официальную и неофициальную сферы неоднозначно решался внутри альтернативной культурной среды. С опорой на литературно-критическую рефлексию, представленную в самиздатских и тамиздатских (публикуемых за пределами Советского Союза) изданиях, можно выделить несколько точек зрения по данному вопросу. Согласно первой позиции, неофициальная литература существовала на протяжении всей истории советской России. В этом плане первыми литературными «неофициалами», непосредственными предшественниками представителей литературного андеграунда 1960—80-х годов были Д. Андреев, А. Ахматова, Б. Пастернак, М. Булгаков, О. Мандельштам, А. Введенский, Д. Хармс, П. Филонов и др. [Иванов, 1979, с. 210]. Вторая точка зрения объединяет ряд мнений, исходящих из того, что неподцензурная литература возникла в начале 1950-х годов [Поэзия сегодняшнего дня, т. 23, с. 9; Нечаев, 1978, с. 247] или после смерти И. Сталина и последующих за нею культурно-исторических событий. К таковым относят XX съезд КПСС, где произошло «разоблачение культа личности Сталина» [Иванов, 1979, с. 210], публикацию в 1957 году в Италии романа Б. Пастернака «Юрий Живаго» [Мальцев, 1976, с. 8—9], в целом оттельные процессы в общественно-политической жизни страны, обнаружившие «глубокую неидентичность в области мысли, настроений, эстетических вкусов и т. д.» [Иванов, 1979, с. 210; Бург, 1963, с. 110—132]. Наконец, ряд критиков и литераторов [Гройс, 1980, с. 67; Кривулин, 1979а, с. 223; Сигей, 1979, с. 4; Игнатова, 1984, с. 214; Кобак и др., 1986, с. 328; Новиков, 1979, с. 237; Терановский, 1976, с. 426] возводят формирование советского

поэтического андеграунда к началу 1960-х годов, когда становится очевидной иллюзорность планов демократических преобразований в культуре и обществе как необходимых факторов для свободной творческой самореализации художников слова.

3. Зарождение неподцензурной поэзии в свете оттепельных процессов в советской культуре 1950-х — начала 60-х годов

Проведенный анализ самиздатовской периодики указывает на то, что во вторую половину 1950-х годов, несмотря на появление оппозиционных настроений в творческой (преимущественно студенческой) среде, обусловленных больше проблемами идейно-эстетического характера, чем общественно-политического, разделения советской поэзии (как и культуры в целом) на две противостоящие сферы не произошло. На волне оттепельных послаблений, инициированных культурной политикой советской власти в 1950-х годах, многим критикам и поэтам казалось, что нужно прежде всего «бороться с серостью в форме и пошлостью в содержании» [Самиздат, 1993, с. 130] как важнейшими факторами обновления существующей литературной системы, созданной в 1930—40-х годах на основе соцреалистического метода в искусстве [Горев, 1960, с. 7—14]. Отсюда предпринятая ими попытка актуализировать скрытый и замалчиваемый официальной пропагандой потенциал советской поэзии 1930—50-х годов, представленной именами И. Сельвинского, С. Кирсанова, Н. Асеева, Б. Слуцкого, А. Твардовского и др. [Горев, 1960, с. 9]. Творчество же поэтов поколения А. Вознесенского и Е. Евтушенко воспринималось как безусловный прорыв в актуальной литературе, обращенной к «проблемам современности» и ориентированной на обновление поэтического языка в соответствии с новыми представлениями о мире, месте в нем человека и роли художника слова в общественно-культурной жизни страны [Горев, 1960, с. 9; Поэзия сегодняшнего дня, т. 20, с. 6—7; Бург, 1963, с. 99].

Были и более радикальные позиции в андеграундной критике, утверждающие несостоятельность соцреалистического метода в литературе и требующие отказаться от него как несоответствующего «духу времени»: «Горьковское дерево социалистического реализма захирело <...> современность родила художников, которые перешагнули известные художественные направления и национальные границы» [Самиздат Ленинграда, 2003, с. 422—423]. Наряду с «громкими» именами поэтов-шестидесятников, самиздатовская периодика начала 1960-х годов вводит в круг актуальной поэзии менее известных или совсем неизвестных широкой читающей аудитории молодых авторов (например, Н. Горбаневская, Г. Горбовский,

И. Бродский¹), творчество которых именуется «непечатным» [Поэзия сегодняшнего дня, т. 26, с. 4—8; Терановский, 1976, с. 430—431]. Причем между понятиями «печатная» и «непечатная» <поэзия> при кажущейся на первый взгляд отчетливой их бинарной противопоставленности, выражающей процесс социокультурного размежевания единой литературы на официальную и неофициальную сферы, не было непроходимой границы, семиотически фиксирующей разделение творчества поэтов на «свое» и «чужое». Как заметил Б. Иванов, «непечатный автор» еще воспринимался в качестве «“офицера запаса”, но не отставника» [Иванов, 2003, с. 553].

Но именно во второй половине 1950-х годов, согласно сам- и тамизда-товским литературно-критическим источникам [Лившиц, 1980, с. 141—154; Андреева, 1977, с. 94—98; Осипов, 1971, с. 109; Нечаев, 1978, с. 248], молодые поэты, обычно студенты столичных вузов, начинают объединяться сначала вокруг различных литературных объединений (например, Дворца Пионеров в Москве, Горного Института в Ленинграде, Дома Культуры г. Пушкина и др.), потом в небольшие творческие группы, компании, «салоны», собирающиеся как в частных квартирах, мастерских, так и в «культурных» местах больших городов: Памятник Маяковскому в Москве, Кафе Поэтов на улице Полтавской, кафе «Буратино» на улице Восстания в Ленинграде и др. Так постепенно начинает формироваться альтернативная культурная среда в Москве и Ленинграде [Осипов, 1971, с. 103—136; Мальцев, 1976, с. 277—301; Арефьева, 1977, с. 94—101; Петров и др., 1977, с. 108; Покровский 1976]. В других крупных городах СССР возникали ме-

1 В ленинградской неподцензурной поэтической культуре место И. Бродского было «твердо и неоспоримо» [Каломиров, 1977, с. 214]. В 1950—1960-х годах он был близок кругу поэтов Е. Рейна, Д. Бобышева и А. Наймана, филологической школы (В. Уфлянд, М. Еремин, С. Кулле) и «горняков» (ЛИТО Горного института), но, по воспоминаниям Л. Лосева, покрутившись среди них, «ушел сам по себе» [Лившиц, т. 1, URL]. Для художников слова следующего за И. Бродским поколения (Е. Шварц, А. Миронов, П. Чейгин и др.) проблемы поэтики и аксиологического творчества поэта, его признание на Западе, стратегии взаимодействия с советской властью являлись предметом разносторонней рефлексии, в том числе в перспективе собственного творческого развития [Д. С., 1977, с. 192—203; Каломиров, 1977, с. 204—214; Бешенковская, 1981, с. 185; Иванов, 1982, с. 291; Северная почта, 1980]. В то же время ленинградскими поэтами, становление которых пришлось на 1970-е годы, четко осознавалась различность эстетических и онтологических установок, исповедуемых И. Бродским и их поколением. Речь идет, в частности, о неспособности поэта прорваться «в религиозное», преодолеть стоическое одиночество, отставивший «каждым своим жестом право на существование» — индивидуализм [Каломиров, 1977, с. 212; Иванов, 1982, с. 291]. В этом отношении поэзия Л. Аронсона, ориентированная на воплощение «мифа о рае» [Никитин, 1985, с. 229; Д. В., 1980, с. 297] («мира, увиденного <...> как рай или храм» [Седакова, 210, с. 525]), воспринималась в качестве альтернативы творчеству «более удачливого во славе» [Кривулин, 1977, с. 42] И. Бродского, поэта одного с ним поколения, и «заклучала в себе больше творческого будущего для поэтов младшего поколения, которые не раз об этом говорили (Виктор Кривулин, Елена Шварц)» [Седакова, 2010, с. 516].

нее масштабные и интенсивные очаги поэтического андеграунда (Киев, Рига, Свердловск, Ейск и т. д.). Между собой эти центры в 1950—60-х годах слабо взаимодействовали, хотя внутри них, как свидетельствуют непосредственные участники тех событий, информация о новом явлении или значимом литературном событии распространялась мгновенно [Жданов, 2017, с. 35]. В то же время, по наблюдению А. Каломирова, то, «что происходит в аналогичных сферах духовной и культурной жизни за пределами города (неважно — в Москве или Вашингтоне), доходило обычно обрывочно, часто в искаженном виде» [Каломиров, 1977, с. 205].

Переломным моментом, зафиксированным в неофициальной критике, становится первая половина 1960-х годов, когда властью инициируется ряд репрессивно-охранительных действий против молодых поэтов [Бург, 1963, с. 110], загнавших «непечатную поэзию, перед тем выступавшую открыто, в глубокое подполье» [Поэзия сегодняшнего дня, т. 27, с. 2]: разгон представителей «ранней Маяковки» (Ю. Галансков, М. Каплан, В. Ковшин, В. Шукин, А. Шухт) [Осипов, 1971, с. 113—114; Дудинский, 1985] и СМОГа [Седакова, 1983, с. 35] во время выступления возле памятника автору поэмы «Облако в штанах» в Москве. В Ленинграде к середине 1960-х годов последовательно были закрыты все студенческие литературно-критические объединения, выпускающие альманахи или периодические издания, в результате у большинства молодых поэтов утрачиваются иллюзии того, что все равны и все могут быть напечатаны. Дальнейшее их творческое развитие определялось ситуацией мировоззренческого и этического выбора как самоопределения по отношению к господствующей в Советском Союзе официально разрешенной культурной традиции [Игнатова, 1984, с. 215; Андреева, 1977, с. 94—98; Нечаев, 1978, с. 243—244].

4. Русская поэзия «по ту сторону официальности» (Б. Иванов): вызовы и пути становления

Неофициальная поэзия от начала 60-х и до второй половины 80-х годов в неподцензурной литературной критике рассматривалась преимущественно в поколенческом или литературно-типологическом аспектах с учетом этапов индивидуально-творческого или коллективно-группового формирования художественного сознания поэтов. Причем со второй половины 1970-х годов в самиздатском литературно-критическом дискурсе начинается меняться оптика оценки и интерпретации актуальных культурных явлений: неофициальная поэзия и ее представители все чаще осмыслились в качестве важнейших акторов общественно-культурного движения, выходящего за рамки отдельных литературных групп, течений и направлений. Как правило, выделялось три периода в поэтическом андеграунде, прихо-

дящихся на 1960-е, 70-е и 80-е годы. Следуя этой логике, охарактеризуем каждый период в отдельности.

В 1960-е годы преобладали протестные настроения в неподцензурной поэзии. Они были вызваны прежде всего оттепельным разочарованием в системе ценностей и эстетике официальной культуры, скепсисом по отношению к возможностям ее преобразования в соответствии с принципами свободного самовыражения художника, преемственности достижениям мировой литературы и открытости к диалогу с современными ее представителями [Андреева, 1977, с. 94—98; Покровский, 1976; Дудинский, 1985]. Некоторые критики фиксируют, что для этого периода характерно усиление в поэзии событийной составляющей, связанной с современностью, с ее актуальными проблемами, в том числе правозащитной направленности, а также социально-политической борьбой «за демократизацию общества» [Дубров, 1973]: например, представители СМОГа, Н. Горбаневская. Но параллельно развивалась ставшая доминирующей в 1970-х годах тенденция отстранения поэтического творчества от политической повестки, от «прямой или зашифрованной декларации <...> политического кредо» [Иванов, 1978, с. 2] и ориентированности художников слова на решение глубоко эстетических, духовно-нравственных и экзистенциальных проблем¹ [Хроника, 1979, с. 210; Савицкий, 2002, с. 12]. Показательной в этом плане является отмеченная А. Дубровым позиция Л. Губанова, который, в отличие от В. Батшева, запрещал соратникам по СМОГу на правах лидера «выступать за свободу творчества и тем самым вступать в открытый конфликт с режимом» [Дубров, 1973].

Кроме того, в рассуждениях самиздатовских литературных критиков об этом периоде прослеживается мысль, что поколение 60-х годов, в основе своей молодые люди 20—25 лет, на волне протеста, освобождения от сковывающих личностную инициативу коллективистских установок и просто в силу возраста, осознавало в себе переизбыток душевных и творческих сил, которые требовали реализации, действенного применения [Лившиц, т. 1, URL; Петров и др., 1977, с. 108; Иванов, 1977, с. 157]. Однако не опосредованная культурной преемственностью, «без объективных читательских и писательских отзывов» [Игнатова, 1984, с. 214], не обусловленная личностным экзистенциальным опытом и ценностной укорененностью в национальной литературной традиции творческая интенци-

¹ С. Савицкий показал, что в западной «литературе, посвященной самиздату», образовавшаяся с середины 1960-х годов среда писателей, произведения которых оставались «неизданными» и распространялись «в машинописных копиях среди знакомых», была представлена исключительно в свете «борьбы с тоталитарным режимом» [Савицкий, 2002, с. 11].

ональность молодых поэтов обрела эгоцентрический, нигилистический и деструктивный характер. Интересна в этом плане попытка В. Кривулина рассмотреть поэзию 1960-х годов и творческое поведение ее представителей в контексте общемировых социокультурных процессов: «Социальный невротизм 60-х годов, волны которого прокатились по Европе и США, имел аналог и в России. И пока негативная, разрушительная энергия требовала общественного выхода — стихи звучали: они стали одним из каналов, по которым эти силы находили выход, чем-то вроде свистка в паровозе». Другими каналами становились провокационное, эпатажное поведение, «поэтический шаманизм» [Кривулин, 1979б, с. 252], жизнь напоказ, сопровождающаяся выпадением из «социальной репрезентации», не имеющая «целевого направления и заданного контекста» [Иванов, 1977, с. 157].

В московской неконформистской литературе начала 1960-х годов деструктивное начало в художественном мышлении и творческом поведении писателей и поэтов, вызванное вакуумом во всех сферах искусства, когда «поиски приходилось начинать на пустом месте, с нуля», порождает феномен «шизоидной культуры» [Дудинский, 1985; Пуховиков, 1985; Андреева, 1977, с. 97], ключевой фигурой которой становится Ю. Мамлеев. В недрах этой культуры сформировалась «московская идея» как квинтэссенция «глубинного метафизического подполья», обусловленного сомнениями в познавательных и созидательных возможностях разума, осознанием абсурдности, нестабильности и эфемерности существования человека в реальности, состоящей из «множества никак взаимно не соприкасающихся миров» [Дудинский, 1985; Пуховиков, 1985; Мальцев, 1975, с. 187—193]. «Московская идея», по наблюдениям Ю. Дудинского, после эмиграции Ю. Мамлеева в начале 1970-х годов получила сущностное выражение в творчестве поэтов «Лианозовской школы», «ранней Маяковки» и СМО-Га, придавших ей «конкретность, натуралистичность, обжигающую иронию, едкого, безбрежного цинизма», с одной стороны, романтический задор, «декадентский и истеричный дух революции» [Дудинский, 1985] и метафизическую тоску по русскому миру, с другой стороны.

Такая атмосфера во многом препятствовала профессиональному и личностному росту поэтов: многие из них, по свидетельству Е. Игнатовой, не обрета «творческой ответственности, духовной зрелости», так и не смогли выйти из возраста «буйных гениев» и «восстановить стремление к нравственности, гуманизм, честность — атмосферу, существовавшую у лучшей части русской интеллигенции» [Игнатова, 1984, с. 220]. Однако, несмотря на обозначенные деструктивные процессы, поэты, выбравшие неконформистский вектор творческого развития, начали постепенное формирование новой поэтической культуры на обломках и руинах предшествующей мо-

дернистской традиции, тем самым способствуя решению общекультурной задачи по «связыванию позвонков столетий» [Иванов, 1977, с. 173].

В этом отношении характерными для всей неофициальной литературы 1960-х годов являются зафиксированные Е. Игнатовой в программной статье «Кто мы?» ностальгическая тоска «по культуре “серебряного века”», безусловное почитание ее легендарных достижений и великих представителей, принятие «знания о том времени в виде мартиролога, рассказа о жесткой вырубке духовности» [Игнатова, 1984, с. 215]. И. Жданов в эссе, посвященном памяти Е. Блажеевского, также вспоминает, что для поэтов его поколения творчество представителей Серебряного века выступало как образец «невиданной эстетической и этической силы», где каждый из них «выстраивал свою биографию в своем письме не менее *как житие*» [Жданов, 2014, с. 50]. На похожее восприятие в 1960-х годах представителей русского модернизма начала XX века указывает московский поэт М. Айзенберг, ср.: «Именно поэты Серебряного века (в основном акмеисты) стали главными культурными героями той среды, которая возникла из небытия. Их *жития* складывались по крупицам из редких мемуаров, часто апокрифических, или устных легенд, чтобы снова разойтись наподобие притч» [Айзенберг, 2004, с. 24] (см. также: [Терановский, 1976, с. 428—29]). Нередко эти легенды творили сами поэты Серебряного века, передавая их начинающим авторам во время творческого и личного взаимодействия, а в некоторых случаях и прямого ученичества, на правах признанных мастеров художественного слова. В Москве таковыми являлись Б. Пастернак, А. Тарковский, Е. Кропивницкий, А. Крученых, Н. Асеев и др. [Лимонов, 1977, с. 45; Алейников, 2018]. В Ленинграде безусловным авторитетом среди начинающих творческий путь в 1950—60-х годах поэтов пользовалась А. Ахматова. Причем речь идет не только о поэтах круга И. Бродского, так называемых «ахматовских сиротах», но и о поколении В. Кривулина и Е. Шварц.

Причем в самиздатовских литературно-критических работах 1970—80-х годов подчеркивается, что художественный и интеллектуальный опыт представителей культуры Серебряного века хотя и становится основным источником эстетического и духовного развития неофициальной поэзии¹, но далеко не единственным, поскольку для ориентированных на конструктивное творческое развитие поэтов важно было быть открытым

1 По наблюдениям В. Кривулина, «период с 1960 по 1965 годы отмечен усиленным освоением акмеистического (по преимуществу в Ленинграде) и футуристического (в Москве) наследия русской поэзии» [Кривулин, 1979б, с. 246]. В это же время, отмечает главный редактор журнала «37», было «заново “открыто” творчество “обэриутов”», а «знакомство с Хармсом, Введенским (и Вагиновым)» являлось «сведа ли не самым существенным фактором эволюции поэтического языка» [Кривулин, 1979б, с. 248].

«всем веяниям, всем культурным морфемам» в национальном и мировом контексте [Иванов, 1977, с. 177; Никонова, 1983б, с. 17; Гройс, 1980, с. 68]. Но в 1960-х годах освоение предшествующей и актуальной литературной традиции происходило преимущественно в формах «подражания, стилизации, эклектических заимствований», в то же время направленных на поиск «неких универсальных архетипов, в которых выражается в культуре человеческий опыт вообще» [Гройс, 1980, с. 69]¹.

5. Неподцензурная поэзия 1970-х годов в поисках новых форм бытования в культуре

В 1970-х годах произошла консолидация сил в андеграундной поэзии вокруг регулярно издаваемых самиздатских журналов, что способствовало, наряду с экстенсивным постижением русской и западной культуры XX века (преимущественным расширением представлений об их литературном ландшафте), интенсивному, глубинному ее освоению путем публикационной, исследовательской, литературно-критической и просветительской активности.

В Ленинграде самиздатская деятельность велась более интенсивно, чем в Москве и других городах Советского Союза. В северной столице в 1970-х годах на постоянной основе выходило более десяти толстых журналов. Среди них самыми известными и продолжительными по времени существования были «Часы», «37», «Северная почта», «Номер» и др. Неофициальная литературная Москва в 1960—70-х годах больше ориентировалась на публикацию альманахов и антологий, многие из которых изначально задумывались как периодические издания, но в силу различных обстоятельств (давление со стороны властей, отсутствие у заинтересованных лиц необходимых условий и времени для издательской работы и т. д.) их выпуск ограничивался одним или несколькими номерами, например: «Синтаксис», «Феникс», «Сфинксы» [От «Феникса» к «Сфинксам», 1965, с. 3—6; Сфинксы № 1, 1965, с. 7—75], «Метрополь», «Московское время» и др.

О выходе андеграундной поэзии на новый уровень культурной коммуникации, не ограниченной интересами группы, «салона» или семинара, и начале процесса рефлексивного осмысления ее непосредственными участниками своего художественного творчества в контексте единого литературного пространства свидетельствуют издание под ред. М. Шемякина

¹ К тому же, как обосновывал Б. Гройс, неофициальное искусство в 1950-х — начале 60-х гг., отказавшись от единообразия официальной культуры, выступило против концепции новаторства вообще, поскольку эта концепция идеологически была осмыслена советской властью в качестве основы соцреалистического искусства [Гройс, 1980, с. 68—69].

альманаха «Аполлон-77» в Париже, публикация альманаха «Метрополь» (1979 год) в Москве и подготовка коллективного сборника «Лепта» в Ленинграде (1975 год). Подготовка подобного сборника была предпринята и в Москве. В итоге, получив разгромную рецензию от П. С. Выходцева, ознакомившегося с рукописью по поручению главреда Ленинградского Отделения издательства «Советский писатель» А. Чепурова, сборник «Лепта» был опубликован в самиздате [Выходцев, 1976, с. 151—166].

Собранные под одной обложкой стихи «самых, казалось бы, разных поэтов, совершенно неожиданно (и для самих составителей) обнаружили присутствие похожих, повторяющихся мотивов, образов, обилие аналогичных ритмических ходов, синтаксических конструкций и словосочетаний, излюбленных не одним-двумя-тремя, а сразу десятью-двадцатью поэтами». В то же время обозначенные соответствия обнажили провалы и проблемные зоны в поэзии ленинградского андеграунда. В частности, В. Кривулин, один из составителей сборника «Лепта», среди прочего видел причины художественного однообразия представленных в нем стихов в общей исходной традиции, в которой работали авторы («поэзия петербургского “серебряного века”, конкретнее — акмеизм»), и в «равнодушии их к другим (иноязычным) поэтическим традициям и системам», порою граничащем с невежеством [Кривулин, 1979б, с. 255].

Заметим, что в 1980-х годах на страницах самиздатовского журнала «Транспонанс» (г. Ейск) поэт и критик Ры Никонова в обзорах ленинградской неподцензурной периодики («Часы», «Обводной канал»), прежде всего поэтических разделов, всегда акцентировала внимание на отсутствии каких-либо серьезных попыток формально-содержательного обновления поэтического языка в стихах авторов сборника «Лепта», неспособных выйти из-под влияния предшествующей традиции: «На мой взгляд, такого рода стихи, к сожалению, косяками бытующие в Ленинграде связаны со страхом авторов быть “непонятыми”, с желанием творить в проверенных условиях, среди апробированного набора эмоций и метафор, гарантирующих “понимание” публики, якобы опирающейся на традицию» [Никонова, 1984, с. 157]. При этом сама Ры Никонова в критике и эссеистике, с одной стороны, неоднократно программно подчеркивала свою приверженность традиции русского авангарда 1920—30-х годов, указывала на неиссякаемый потенциал и актуальность поэтического опыта и теоретических работ ключевых ее представителей (А. Крученых, В. Гнедова, А. Чичерина и др.) [Никонова, 1983а, с. 20]. С другой стороны, она не раз высказывалась о необходимости «развития и синтезирования достижений всех поэтических школ и направлений, когда-либо существовавших и где-либо существующих» [Никонова, 1983б,

с. 17], тем самым сходясь во мнении с практиками и теоретиками ленинградской неофициальной литературы (Б. Иванов, Б. Гройс, В. Кривулин и др.). В свете данных поисков, разработки новых приемов и технологий художественного письма, экспериментов со стиховой формой Ры Никонова оценивала андеграундную поэзию Ленинграда.

Наряду со стремлением поэтов и критиков очертить и осмыслить границы и ценностно-эстетическое наполнение культурного пространства, в котором они работают, в рассматриваемый период фиксируются в самиздатской периодике еще две тенденции. Они станут важнейшими условиями бытования неофициальной поэзии в 1970—80-х годах. Речь идет о формировании ценностной основы, не заимствованной, а базирующейся на «собственной духовной и экзистенциально опробованной почве» [Иванов, 1977, URL], и о диалогизме художественного мышления как источнике сотворческого взаимодействия читателя и поэта, поэзии и других видов искусства (живописи и музыки) [Новиков, 1979, с. 237; Таршис, 1981, с. 9—10], различных культурных традиций [Иванов, 1977, с. 177; Никонова, 1983б, с. 17; Гройс, 1980, с. 68]. Причем запрос на иные формы эстетической коммуникации шел и от адресата поэтического высказывания [Д. С., 1977, с. 192], обусловленный, как отмечал Г. Айги, тем, что в обстоятельствах, когда человек не занят «безликим “общим делом”», а «переживает свою жизнь перед проблематичным феноменом Существования», читатель нуждается в поэте как «собеседнике, которому можно доверять». Отсюда меняется сам способ обращения к читателю: «не от трибуны — в зал, в слух, а от бумаги (часто — и не-типографской) — к человеку, в зрение. Читателя не ведут, не призывают, с ним — беседуют, как с равным» [Айги, 1979, с. 72]. В. Кривулин, вслед за Г. Айги, также фиксирует, что в 1970-е годы «на слух» лучше воспринимается «уже знакомое по чтению глазами, и поэтический шаманизм никого не затрагивает с той силой, с какой затрагивало голосоведение поэта аудитории 60-х годов» [Кривулин, 1979б, с. 252]¹.

6. «Христианский ренессанс» в поэзии 1970-х годов

Поворот к диалогу с читателем, предшествующей национальной и в целом мировой литературной традицией, поиск духовных оснований жизни и творчества лежит в основе обращения многих представителей неподцензурной поэзии (и прежде всего — ленинградской) к православному

1 Применительно к авангардистской традиции Ры Никонова рассматривала современную литературу в аспекте перехода от исполнительского искусства к неисполнительскому и в этом видела стремление ее к самоценности, подобно музыке, «(не связанной с жизнью и обыденным языком)» [Таршис, 1981, с. 10].

христианству¹. На значительность этого события указывает множество литературно-критических и публицистических высказываний в ленинградском самиздате, где ставится вопрос о «христианском ренессансе» и его роли в формировании «культурного движения» в литературном андеграунде. Е. Пазухин писал, что в 1960—70-е годы не нашлось бы ни одного представителя неофициальной литературы, который не подписался бы под словами Мандельштама: «В наше время каждый культурный человек — христианин». В. Кривулин на страницах журнала «37» формулирует духовное кредо андеграундных художников слова: «Свет культуры подпольной — это первоапостольский свет» [Пазухин, 1985, с. 200]. Христианская традиция, как заметил Б. Иванов, давала искомую иерархию ценностей, без которой никакой разговор о культуре невозможен, восстанавливала в творчестве поэтов вертикально-восходящую парадигму, постулирующую движение духа вверх, от земли, безвременья, бессмысленности существования, «от оскорбленности высокого в себе» [Иванов, 1977], и способствовала налаживанию «горизонтальных связей» в культуре и жизни, поскольку христианское учение по природе своей диалогично².

К христиански ориентированным поэтам литературная критика относила Л. Аронзона, Б. Куприянова, Е. Игнатову, Ю. Вознесенскую, Е. Шварц, О. Седакову, В. Кривулина, А. Миронова, О. Охупкина и др. В отличие от предшественников (А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Пастернака), за которыми стояла национальная и мировая духовная культура, ленинградские и московские неофициальные поэты практически наощупь, в обстоятельствах «почти полного отсутствия» богословских и религиозно-философских источников, начинали творческий путь. Каждый по-своему восполнял эти пробелы, но все понимали, что только в рамках интеллектуального, духовного и личностного взаимодействия возможно обрести «религиозное самосознание» [Горичева, 1979, с. 231], творческую независимость и онтологическую связь с культурной традицией.

- 1 Нужно заметить, что интерес к религии в 1970-х годах не ограничивался только православным христианством. Отмечалось в критике увлечение представителей неподцензурной литературы буддизмом, индуизмом, протестантизмом, а также различными формами оккультизма [Иванов, 1977, с. 160]. Причем нередко в условиях информационного вакуума, отсутствия религиозной преемственности и «четких представлений об этой сфере» происходило спекулятивное смешение различных религиозных традиций в трактовках новоиспеченных адептов обновленной веры. Все это, по словам Джорджа Микельсона, напоминало черный рынок религиозности, в ловушку которого попадали многие люди, стремящиеся заполнить духовно-нравственный вакуум в душе [Микельсон, 1982, с. 261—262].
- 2 Показательной в этом плане является высказывание Е. Пазухина «об объединении творческих личностей» в культурное движение «по модели евангельского понятия церкви (даже Троицы), где каждый член абсолютно личен, строго индивидуализирован и в то же время нераздельно слит с другими» [Пазухин, 1976, с. 6].

При этом следует различать, с одной стороны, осознанную декларацию поэтами своих духовно-нравственных позиций со страниц самиздатовских журналов в форме интервью, эссеистики или воспоминаний [Вознесенская, 1978, URL], с другой стороны, их эмоционально-рефлексивное и интуитивное приближение к Богу и евангельской истине в художественном опыте, зафиксированное в литературно-критической рецепции [Седакова, 1990, URL]. С позиции последней творчество поэтов, скорее, следует рассматривать как позднемодернистское с ориентацией на христианскую мифологическую традицию, для которого есть «одна отдаленная параллель, одно прошедшее будущее: эпоха символизма» [Седакова, 1990; Стратановский, 1985, с. 295; Интервью с Виктором Кривулиным, 1985]. Так, критик В. Х. характеризует стихи Б. Куприянова как «описание-описывание духовного пространства», укорененного в «русском христианстве, Православии». Но в то же время, как отмечает В. Х., работа «в сфере христианской мифологии <...> дает возможность не писать стихи на собственно религиозную тему», поскольку «та замечательная мера, с которой Куприянов вводит в свой текст библеизмы, указывает на органичность, почти бессознательность его Богочувствования» [В. Х., 1980, с. 122—124]¹. Характерно, что Б. Иванов в рамках симпозиума «Пути культуры 60—80-х годов» указывал на характерную для религиозности неофициальной поэзии «неортодоксальную модель», которую он предлагал понимать как «одно из проявлений общереформационных тенденций» [Иванов и др., 1986, с. 199].

В рамках поэтики христианского неомифологизма вполне закономерно отмеченное критикой обращение неофициальных поэтов к феноменам демиургизма, демонизма и «самообожествления». Причины этого виделись, во-первых, во влиянии на поэтов модернистской традиции начала XX века с характерным для нее культом индивидуализма и, во-вторых, в низком

1 Приведем еще примеры христианского неомифологизма в творчестве неподцензурных поэтов, который стал предметом рефлексии в самиздатовской критике. Метафизика «распредмечивания», когда «вещи умяляются, сжимаются, становятся неудовимыми», поскольку «важны не они сами, а их предел», лежит в основе, по мнению В. Кривулина, «феномена перехода от эстетического созерцания мира к религиозному восприятию всего, что нам дает мир» [Кривулин, 1977, с. 42] в лирике Л. Аронсона. Творчество самого же В. Кривулина, а также О. Охупкина, А. Миронова, например, главным редактором журнала «Часы» Б. Ивановым рассматривается в «горизонте мифа» [Иванов, 1977, с. 166], возвращения в 1970-х годах к мифотворчеству на базе «нравственной религиозности» и вертикально-восходящего движения духа в перспективе соединения с «мы», понятой «в своей потенции как ново-христианская конфессия» [Иванов, 1977, с. 174]. Проблема преодоления «пропасти между Богом и человеком», не заполняющейся «ни традицией, ни авторитетом, ни таинствами», когда «в одно и то же мгновение Бог и тварь абсолютно близки и абсолютно далеки», решается Е. Шварц, как показывает Т. Горичева, путем нахождения «нужной степени напряжения в мистическом Unio, в непосредственном единстве Я и Бога, твари и Творца» [Горичева, 1977, с. 23].

уровне религиозного самосознания художников слова в обстоятельствах культурного вакуума 1960—70-х годов, приводящем к эклектичному смешению христианского учения с оккультизмом разных мастей, часто сопровождающемуся поиском «экзальтированных переживаний, особых молитв-заговоров и магических действий» [Фомин и др., 1986, с. 258]. Нередко, как показал Е. Пазухин, в неофициальной поэзии «творец прочно обосновывался на месте Творца», в отличие от Серебряного века, где «Создатель и поэт могли тогда во многом отождествляться», но никогда «не менялись местами» [Пазухин, 1985, с. 202].

7. «Культурное движение» 1970-х годов и его роль в развитии неподцензурной поэзии

В силу сказанного выше особый смысл приобретает размышление Б. Иванова о роли андеграундной культуры в советском обществе: если бы она «в своем содержании была бы эгоцентрична, ее можно было бы воспринимать как секту. Но она встроена в социум как его собственная радикальная проблема, как его собственная потенция» [Иванов, 1979, с. 220—221]. Преодоление эгоцентризма, нигилизма и сектантского искуса выводит на совершенно иной уровень проблему подпольного существования поэта, взаимоотношения официальной и неофициальной культуры и свидетельствует о качественном изменении в понимании участниками советского литературного андеграунда места и функции последней в историческом процессе второй половины XX века. Концептуально продуманная и артикулированная в форме программных высказываний данная позиция была представлена в ряде докладов на первой и второй ленинградской конференции 1979 года, посвященной «культурному движению», и в публикациях в самиздатовской периодике. Собственно, понятие «культурное движение» призвано было снять открытую ценностную противопоставленность официоза и андеграунда, как это подчеркивалось в бинарных формулировках, и зафиксировать идейную и институциональную самодостаточность нонконформистской культуры: «Культурное движение следует рассматривать как явление, возникшее совсем недавно, — с того времени, как художникам удалось добиться легализации, то есть с того момента, как *неофициальность и незаконность перестали быть синонимами*» [Иванов, 1979, с. 211].

Временем зарождения «культурного движения», по мысли главного редактора журнала «Часы», нужно считать середину 1970-х годов, когда оно обретает черты общественного явления «с квартирными и полуофициальными выставками, с салонными и полуофициальными выступлениями поэтов, с неофициальными, но легальными изданиями — журналов, альманахов, сборников, с семинарами, докладами, коллекциями» [Иванов,

1979, с. 211—212]!. Именно периодические издания в 1970—80-х годах и организационная деятельность стоящей за ними редколлегии играли решающую роль в формировании «культурного движения» и осмыслении его в теоретическом и культурно-историческом аспектах. Таковыми являлись ленинградские журналы «37», «Часы», «Обводной канал», «Митин журнал», регулярно издававшиеся на протяжении нескольких лет.

Для нас важно, что в публикациях о проблемах «культурного движения» неофициальная поэзия представлена как наиболее репрезентативный материал, иллюстрирующий социогуманитарные процессы в рассматриваемой области. Особый интерес для их понимания имеет цикл работ Б. Иванова «Реализм и личность»², где оппозиция официальное — неофициальное <искусство> рассматривается с точки зрения традиционного для русской культуры противостояния художника и общества, направленного на «высвобождение опыта из раз навсегда данных интерпретаций <...> и утверждение независимости разума индивида» от господствующей общественно-политической идеологии³. С этой позиции, неохристианство в процессе становления «культурного движения», по мнению Б. Иванова, — закономерный этап выхода поэтов за границы социалистической традиции с целью «усвоения “наследия прошлого”» и узнавания «самого

- 1 Н. Нечаев также считал, что началом культурного движения является середина 1970-х годов, а точнее — инициированный властью разгон «“бульдозерной” выставки в Беляево в Москве», следствием которого стала «консолидация художников, поэтов, прозаиков, философов, религиозных деятелей. Возникли объединения художников-неконформистов (ТЭВ), сборники независимой поэзии, появились открытые издания — журнал “37”, книга-коллаж “Архив”» [Нечаев, 1978, с. 241].
- 2 Философия культуры Б. Иванова и феномен «культурного движения» в контексте литературно-общественной стратегии самиздатского журнала «Часы» подробно рассмотрены в работах Житенева А. А. [Житенев, 2015, с. 66—79] и Панкратовой Е. В. [Панкратова, 2019, с. 110—163] соответственно.
- 3 Во время дискуссии на симпозиуме «Пути культуры 60—80-х годов», наряду с позицией Б. Иванова, выдвигались следующие аргументы в пользу единства русской советской литературы с точки зрения типологических процессов в культуре XIX—XX веков: 1. «Есть хорошие писатели, есть плохие писатели, и советская литература возникла не после революции, а была всегда» (Д. Волчек); 2. «До сих пор остается справедливым разделение В. Лениным (хотя это было известно и до него) всякой национальной культуры на две: господствующую (по идеологическим и традиционным параметрам) и негосподствующую (по тем же параметрам). У этих двух культур свои традиции. Первая исходит из существующей общественной системы и копирует ее, вторая — исходит из диалектики, то есть из борьбы противоречий» (И. Адамацкий); 3) Литература во все времена определялась «архитектурой личности» читателя, характеризующейся «этажностью существующих» у него «чувств» (религиозное, гражданское самосознание и др.): официальная ее сфера ориентирована на людей с отсутствующими или редуцированными чувствами верхней этажности, а неофициальная наоборот (А. Шуфрин); 4) Неофициальная литература, пространственная «в списках, магнитофонных пленках, устно», является не чем иным, как фольклором, который существовал всегда и «у всех народов» наравне с письменной культурой художественного слова (В. Кушев) [Иванов и др., 1986, с. 196—233].

себя, своего актуального положения в мире» [Иванов, 1981а, с. 226] (ср.: [Нечаев, 1978, с. 244—245]).

Дальнейшее развитие культурного движения и неофициальной поэзии как ее важнейшей составляющей Б. Иванов связывал с реализмом, понимаемым как «экзистенциальная обоснованность духовных проектов», «ответственная корреляция с проблемами современности» и «открытость пониманию». Причем реализм рассматривается критиком вне оппозиции авангарду, поскольку «утрачивает связь с миметизмом» [Житенев, 2015, с. 75], и в диалектическом взаимодействии с христианской традицией, что выступает в качестве базиса, способного «обличить» его «в моральной, духовной, мировоззренческой и эмпирической несостоятельности». В свою очередь реализм является силой, способной «оздоровить традиционные устои общества, помочь отбросить невежественных и компрометирующих защитников традиций, вдохнуть в традиционализм волевой и моральный пафос, очистить традиции от схоластики» [Иванов, 1981б, с. 242].

Таким образом, в рецепции Б. Иванова и ряда других неофициальных критиков и издателей [От редакции, 1982, с. 232] формируется модель развития культурного движения как процесса духовно-нравственного обновления общества и выработки ценностно-мировоззренческой основы для эффективной модернизации официальной культуры и социально-политической системы в стране. Нужно заметить, что позиция Б. Иванова участниками «культурного движения» воспринималась в качестве консервативной, почвеннической [Иванов и др., 1986, с. 219]. Ее определяла, помимо обозначенных выше дефиниций, во-первых, личная ответственность за «культуру в целом», во-вторых, понимание идеологии как «сферы абсолютных универсалий (этико-гуманитарных)», в-третьих, национальное самосознание, когда личность «начинает думать о том организме, в котором существует, о его здоровье, о его успехе», в-четвертых, создание на этой основе общей «этической платформы», противостоящей крайним формам релятивизма в обществе [Иванов и др., 1986, с. 201—202]. Причем идейный состав высказываний Б. Иванова оценивался в контексте возрождения как в официальной, так и неофициальной сфере советской культуры 1970—80-х годов интереса к освещенным традицией национальным моделям интеллектуальной мысли (славянофильство, почвенничество, ортодоксальное христианство) [Иванов и др., 1986, с. 227; Кобак и др., 1986, с. 341—342].

8. Заключение

Итак, нами были рассмотрены с системных позиций проблемы аксиологии и поэтики советской андеграундной поэзии 1960—70-х годов, стратегии художественного развития и творческого поведения ее представителей,

зафиксированные в литературно-критических работах различной жанровой принадлежности на страницах самиздатовской и тамиздатовской периодики. Установлено, что разделение единой культуры на официальную и неофициальную сферы приходится на первую половину 1960-х годов. К этому времени в Москве и Ленинграде были закрыты все литературно-критические объединения, возникшие на «оттепельной» волне преимущественно в студенческой среде, заморожены культурные инициативы и в то же время инициированы государством охранительные меры против открыто отстаивающих свою общественную и творческую позицию молодых поэтов.

В силу сказанного в 1960-х годах преобладали протестные настроения в андеграундной поэтической среде, нередко смыкающиеся с правозащитной деятельностью, отстаиванием социально-политической и творческой свободы (В. Батшев, Н. Горбаневская и др.). В этот период начинается сложный процесс поиска поэтами духовно-нравственных оснований личностной и творческой идентичности в ситуации «культурного вакуума», формирования онтологических границ индивидуального бытия в соответствии с собственным экзистенциальным опытом, освобожденным от коллективистских установок советской идеологии. На первых порах обозначенный процесс обретал эгоцентрический, нигилистический и деструктивный характер: декадентские настроения, эпатажное поведение, «поэтический шаманизм», феномен «шизоидной культуры» (В. Кривулин), различные формы социального и культурного неврогизма. В сознании поэтов властвовал культ собственной гениальности и неизбежной роковой гибели, безграничной творческой активности, пророческой миссии, в том числе выражающейся в импульсивно-эмоциональном, гипнотическом воздействии на читателя во время публичного исполнения стихов.

Осваивание поэзии и философии Серебряного века в 1960-х годах, в силу отрыва от культурно-исторического контекста и отсутствия ключей к глубинному ее постижению, во многом принимало формы эклектичного подражания, случайных заимствований и стилизации, не получившей критического осмысления с учетом современной культурной ситуации и личностных духовно-нравственных оснований. В этом плане большое значение в преодолении разрыва с предшествующей литературной традицией, системно-целостным ее постижением имела самиздатовская периодика. На страницах таких регулярно издававшихся толстых литературно-критических журналов, как «37», «Чась», «Транспонанс», «Обводной канал», «Митин журнал» и т. д., печатались не только неподцензурные стихи и проза, но и культурологические и литературоведческие исследования, посвященные изящной словесности и философии Серебряного века, переводы работ западных мыслителей, опыты научно-критической рецепции

современной литературы. Все это стимулировало творческую активность поэтов и создавало ценностно-мировоззренческий и эстетический фундамент для продуктивного текстопорождения.

Вокруг самиздатовских журналов в 1970-х годах начинается процесс собирания, консолидации неподцензурной культуры словесного творчества, не ограниченной интересами отдельных групп и литературных салонов. Ленинградский журнал «37» становится центром религиозного культурного возрождения, где печатались такие ориентированные на поэтику христианского неомифологизма авторы, как В. Кривулин, О. Седакова, А. Миронов, Е. Шварц, Ю. Вознесенская и др. Христианская традиция давала искомую ценностную основу для творчества поэтов, способствовала их выходу в пространство духовного взаимодействия с другими участниками андеграундной культуры и читателями, нуждающимися в «собеседнике, которому можно доверять» (Г. Айги). Формы публичной репрезентации поэзии сменяются сотворческим постижением текстов, зафиксированных на бумаге. В это же время впервые предпринимаются попытки системной характеристики культурного пространства в андеграундной поэзии и рефлексивного его осмысления путем создания коллективных сборников стихов («Круг» или альманахов («Аполлон-77», «Метрополь»), организации симпозиумов, семинаров и конференций по вопросам неофициальной культуры.

В рамках этих обсуждений формулируется концепция «культурного движения», определяющая потенциал и пути развития андеграундной культуры и поэзии как важнейшей ее составляющей в 1970—80-х годах. В соответствии с ней неконформистское поэтическое творчество рассматривалось в широком культурно-историческом контексте (в частности, конфликт художника и общества, власти-небожителя и поэта), снимающем открытое противостояние с официозом. Не случайно Б. Иванов предлагал воспринимать «культурное движение» в качестве «радикальной проблемы» социума, потенциала для его развития и эффективной модернизации. Словесное искусство, согласно данной концепции, должно иметь традиционалистскую ценностную основу, связанную с христианской духовной системой, и в то же время быть ориентированным на экзистенциальное обоснование любых духовных проектов, соотноситься с проблемами современности и быть открытым к культурному диалогу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айги Г. Сон-и-Поэзия / Г. Айги // Ковчег. — 1979. — №4. — С. 70—78.
2. Айзенберг М. Оправданное присутствие : сборник статей / М. Айзенберг. — Москва : Baltus : Новое издательство, 2005. — 212 с.

3. *Алейников В.* Рассказать о былом [Электронный ресурс] / В. Алейников. — 2018. — Режим доступа : <https://7i.7iskusstv.com/2018-nomer11-alejnikov1/> (дата обращения 3.01.2021).
4. *Андреева В.* В «малом круге» поэзии / В. Андреева // *Апполон-77* / под ред. М. Шемякина. — Париж : [б. и.], 1977. — С. 94—101.
5. *Бешенковская О.* Волки и кролики / О. Бешенковская // *Часы*. — 1981. — № 33. — С. 184—218.
6. *Боулт Дж. Э.* «Час итогов» [Электронный ресурс] / Джон Э. Боули // *Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны*. — Т. 1. — 1980. — Режим доступа : https://kkk-bluelagoon.ru/tom1/cont_1.htm (дата обращения 16.02.2021).
7. *Бург Д.* Партия и писатели / Д. Бург // *Грани*. — 1963. — № 54. — С. 98—132.
8. *Вознесенская Ю.* Ответы на анкету [Электронный ресурс] / Ю. Вознесенская // *Журнал «37»*. — 1978. — № 18. — Режим доступа : <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3A1828> (дата обращения 23.01.2021).
9. *Выходцев П. С.* Рецензия на коллективный сборник ленинградских поэтов «Лепта» / П. С. Выходцев // *Журнал «37»*. — 1976. — № 4. — С. 151—166.
10. *Горев К.* Несколько слов о современной советской поэзии / К. Горев // *Оптим*. — 1960. — № 1. — С. 8—15.
11. *Горичева Т.* Дискуссия / Т. Горичева, В. Пореш, Е. Пазухин // *Журнал «37»*. — 1979. — № 18. — С. 229—243.
12. *Горичева Т.* Творец и тварь. Идеологическое введение к «Простым стихам» Елены Шварц / Т. Горичева // *Журнал «37»*. — 1977. — № 11. — С. 20—25.
13. *Гройс Б.* Две культуры в одной культуре / Б. Гройс // *Журнал «37»*. — 1980. — № 20. — С. 67—76.
14. *Д. С.* Пушкин и Бродский / С. Д. // *Журнал «37»*. — 1977. — № 9. — С. 192—203.
15. *Д. В.* Хроника. Памяти Леонида Аронсона / В. Д. // *Часы*. — 1980. — № 27. — С. 296—298.
16. *Дубров А.* Самиздат в венском литературном журнале [Электронный ресурс] / А. Дубров. — 1973. — 4 августа. — Режим доступа : <http://tamizdatproject.org/tu/people/andrei-dubrov> (дата обращения 28.02.2021).
17. *Дудинский И.* Что такое «Московская идея». Первое приближение [Электронный ресурс] / И. Дудинский // *Митин журнал*. — 1985. — № 6. — Режим доступа : <http://kolonna.mitin.com/archive/mj06/> (дата обращения 3.02.2021).
18. *Жданов И. Ф.* Беззащитное мужество Евгения Блажеевского / И. Ф. Жданов // *Культура Алтайского края*. — 2014. — № 1 (13). — С. 50—53.
19. *Житенев А. А.* Философия культуры Бориса Иванова / А. А. Житенев // *Emblemataamatoria : Статьи и этюды*. — Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2015. — С. 66—79. — ISBN 978-5-4292-0091-0.
20. *Иванов Б.* Возвращение парадигмы (из книги «Часы культуры») [Электронный ресурс] / Б. Иванов // *Часы*. — 1977. — № 8. — Режим доступа : <https://samizdat.wiki/images/3/39/ЧАСЫ16-8-Б-Иванов-Возвращение-парадигмы.pdf> (дата обращения 13.02.2021).
21. *Иванов Б.* Культурное движение как целостное явление / Б. Иванов // *Часы*. — 1979. — № 21. — С. 209—221.
22. *Иванов Б.* Литературные поколения в ленинградской неофициальной литературе 1950-е — 1980-е / Б. Иванов // *Самиздат Ленинграда. 1950-е — 1980-е. Литературная энциклопедия* / под общ. ред. Д. Северюхина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2003. — С. 535—585. — ISBN 5-86793-216-8.

23. *Иванов Б.* Материалы симпозиума «Пути культуры 60—80-х годов» / Б. Иванов, В. Кривулин, Д. Волчек, В. Антонов, М. Иоссель // Часы. — 1986. — № 62. — С. 198—233.
24. *Иванов Б.* Общественная функция культурного движения / Б. Иванов // Часы. — 1985. — № 56. — С. 237—246.
25. *Иванов Б.* По ту сторону официальности. Из книги «Часы культуры» / Б. Иванов // Часы. — 1977. — № 8. — С. 148—184.
26. *Иванов Б.* Реализм и личность / Б. Иванов // Часы. — 1981а. — № 32. — С. 208—240.
27. *Иванов Б.* Реализм и личность. Продолжение / Б. Иванов // Часы. — 1981б. — № 35. — С. 240—259.
28. *Иванов Б.* Реализм и личность (продолжение) / Б. Иванов // Часы. — 1982. — № 36. — С. 273—293.
29. *Иванов Б.* Резюме. Накануне 70-го / Б. Иванов // Часы. — 1978. — № 15. — С. 1—4.
30. *Игнатова Е.* Кто мы? / Е. Игнатова // Часы. — 1984. — № 52. — С. 212—220.
31. *Интервью с Виктором Кривулиным.* Записал Дмитрий Волчек [Электронный ресурс] // Митин журнал. — 1985. — № 6. — Режим доступа : <http://kolonna.mitin.com/archive/mj06/krivulin.shtml> (дата обращения 19.02.2021).
32. *Каломиров А.* Проблема современной русской поэзии. Статья I. Иосиф Бродский («Место») / А. Каломиров // Журнал «37». — 1977. — № 9. — С. 204—214.
33. *Кобак А.* Молния и радуга : пути культуры 60—80-х годов / А. Кобак, Б. Останин // Часы. — 1986. — № 61. — С. 325—373.
34. *Козлова С. М.* Иван Жданов : о себе, о нем, о его творчестве / С. М. Козлова, Я. П. Изотова // Русская поэзия Сибири XX века : Иван Жданов : монография (Литературные звезды Сибири ; выпуск 3) / отв. ред. С. А. Комаров. — Тюмень : Издательство Тюменского университета, 2017. — С. 16—72. — ISBN 978-5-400-01417-8.
35. *Кривулин В. Б.* Выступление на вечере памяти Леонида Аронсона. К пятилетию со дня смерти / В. Б. Кривулин // Журнал «37». — 1977. — № 12. — С. 41—43.
36. *Кривулин В.* Двадцать лет новейшей русской поэзии (предварительные заметки) / В. Кривулин // Часы. — 1979б. — № 22. — С. 240—263.
37. *Кривулин В.* Пять лет культурному движению. Связь движения художников с движением поэтов / В. Кривулин // Часы. — 1979а. — № 21. — С. 221—229.
38. *Кукулин И.* Два рождения неподцензурной поэзии в СССР [Электронный ресурс] / И. Кукулин. — Режим доступа : <https://E:/Авангард/Илья%20Кукулин.%20Два%20рождения%20неподцензурной%20поэзии%20в%20СССР.html> (дата обращения 23.02.2021).
39. *Лившиц Л.* Тулузы Мы [Электронный ресурс] / Л. Лившиц // Антология новейшей русской поэзии у Голубой Лагуны. — 1980. — Т. 1. — С. 141—154. — Режим доступа : <https://kkk-bluelagoon.ru/tom1/philolog.htm#1> (дата обращения 19.02.2021).
40. *Лимонов Э.* Группа «Конкрет» / Э. Лимонов // Апполон-77 / под ред. М. Шемякина. — Париж : [б. и.], 1977. — С. 43—46.
41. *Мальцев В.* Вольная русская литература. 1955—1975 / В. Мальцев. — Франкфурт-на-Майне : Посев, 1976. — 474 с.
42. *Мальцев Ю.* Русская литература в поисках форм / Ю. Мальцев // Грани. — 1971. — № 80. — С. 159—210.
43. *Микельсон Дж.* Русская религиозная поэзия 70-х годов / Дж. Микельсон // Часы. — 1982. — № 38. — С. 258—265.

44. *Нечаев В.* Нравственное значение неофициальной культуры / В. Нечаев // *Грани.* — 1976. — № 108. — С. 241—252.
45. *Никитин В.* Поэзия транса и прыжок в трансцендентное (наброски к статье) / В. Никитин // *Часы.* — 1985. — № 58. — С. 223—230.
46. *Никонова Р.* Вместо манифеста / Р. Никонова // *Транспонанс.* — 1983а. — № 16. — С. 15—27.
47. *Никонова Р.* Манифест номер три / Р. Никонова // *Транспонанс.* — 1983б. — № 18. — С. 17—19.
48. *Никонова Р.* Иду на канал / Р. Никонова // *Транспонанс.* — 1984. — № 23. — С. 155—186.
49. *Новиков Ю.* Критика и современное неконформистское искусство / Ю. Новиков // *Часы.* — 1979. — № 21. — С. 230—238.
50. От «Феникса» к «Сфинксам» // *Грани.* — 1965. — № 59. — С. 3—6.
51. *Осипов В.* Площадь Маяковского, статья 70-я / В. Осипов // *Грани.* — 1971. — № 80. — С. 107—136.
52. *Пазухин Е.* Внешние и внутренние проблемы нашей культуры / Е. Пазухин // *Архив.* — 1976. — № 1. — С. 2—6.
53. *Пазухин Е.* «Звездные часы» русской поэзии XX века / Е. Пазухин // *Часы.* — 1985. — № 57. — С. 197—203.
54. *Панкратова Е. В.* Литературная стратегия самиздатского журнала «Часы»: концепция независимой литературы: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Е. В. Панкратова. — Санкт-Петербург, 2019. — С. 251.
55. *Петров В.* «Забудут? Вот чем удивили ...» / В. Петров, М. Шемякин // *Аполлон-77* / под ред. М. Шемякина. — Париж: [б. и.], 1977. — С. 108.
56. *Покровский О. В.* Положи мне руку на сердце / Из воспоминаний о поэте Р. Мандельштаме [Электронный ресурс] / О. В. Покровский // *Часы.* — 1976. — № 2. — Режим доступа: https://samizdat.wiki/images/7/70/ЧАСЫ2_-_8-Мандельштам_Покровски.pdf (дата обращения 3.03.2021).
57. *Поэзия* сегодняшнего дня // *Искусство коммуны.* — 1962. — Т. 20, 23, 26, 27.
58. *Пуховиков А.* К вопросу о «московской идее» [Электронный ресурс] / А. Пуховиков // *Митин журнал.* — 1985. — № 6. — Режим доступа: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj06/puhovikov.shtml> (дата обращения 6.03.2021).
59. *Савицкий С.* Андеграунд: история и мифы ленинградской неофициальной литературы / С. Савицкий. — Москва: Новое литературное обозрение, 2002. — 224 с. — ISBN 5-86793-186-2.
60. *Самиздат* (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950—80 годы» Санкт-Петербург, 25—27 апреля 1992). — Санкт-Петербург: Научно-информационный центр (НИЦ) «Мемориал», 1993. — 142 с.
61. *Самиздат Ленинграда.* 1950-е — 1980-е. Литературная энциклопедия / под общ. ред. Д. Северюхина. — Москва: Новое литературное обозрение, 2003. — 624 с. — ISBN 5-86793-216-8.
62. *Северная почта.* Журнал стихов и критики. Номер посвящается сорокалетию Иосифа Бродского [Электронный ресурс] // *Северная почта.* — 1980. — № 6. — Режим доступа: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/objectsamizdat%3A10667> (дата обращения 23.03.2021).
63. *Седакова О.* Заметки и воспоминания о разных стихотворениях, а также похвала поэзии / О. Седакова // *Часы.* — 1983. — № 46. — С. 1—35.

64. *Седакова О.* Леонид Аронзон : поэт кульминации / О. Седакова // *Poetics*. — Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. — С. 515—529.
65. *Седакова О.* Музыка глухого времени [Электронный ресурс] / О. Седакова // *Вестник новой литературы*. — 1990. — № 2. — Режим доступа : <https://www.olgasedakova.com/Poetica/175> (дата обращения 25.03.2021).
66. *Сигей С. О* «задачах» транспозии / С. Сигей // *Транспонанс*. — 1979. — № 1. — С. 4—5.
67. *Стратановский С.* Нечто об авангардизме / С. Стратановский // *Обводной канал*. — 1986. — № 10. — С. 293—300.
68. «Сфинксы» № 1 — литературный российский журнал // *Грани*. — 1965. — № 59. — С. 7—75.
69. *Таршиш А.* Литература есть частица вселенной / А. Таршиш // *Транспонанс*. — 1981. — № 8. — С. 9—12.
70. *Терновский Е.* Соименник и имярек. Поэт и культура / Е. Терновский // *Грани*. — 1976. — № 100. — С. 424—438.
71. *Фомин А.* Бумажный сатана (рецензия на «Заметки» Г. Беневича и А. Шуфрина) / А. Фомин, Т. Чудиновская // *Часы*. — 1986. — № 61. — С. 251—264.
72. *Х. В.* Несколько слов о современнике : Борис Куприянов / В. Х. // *Часы*. — 1980. — № 28. — С. 118—128.
73. *Хроника* // *Журнал «37»*. — 1978. — № 17. — С. 210—212.

REFERENCES

- Aigi, G. (1979). Son-i-Poeziya. *Ark*, 4: 70—78. (In Russ).
- Aleynikov, V. (2018). *Tell about the past*. Available at: <https://7i.7iskusstv.com/2018-nomer11-alejnikov1/> (accessed on 3.01.2021). (In Russ).
- Andreeva, V., Shemyakin, M. (ed.). (1977). In the “small circle” of poetry. *Apollo-77*. Paris: [B. I.]. 94—101. (In Russ).
- Burg, D. (1963). Party and writers. *Grani*, 54: 98—132. (In Russ).
- Boult, J. E. (1980). “The Hour of Results”. In: *Anthology of the latest Russian poetry at the Blue Lagoon, 1*. Available at: https://kkk-bluelagoon.ru/tom1/cont_1.htm (accessed 16.02.2021). (In Russ).
- Beshenkovskaya, O. (1981). Wolves and rabbits. *Hours*, 33: 184—218. (In Russ).
- Chronicle. (1978). *Journal “37”*, 17: 210—212. (In Russ).
- D. S. (1977). Pushkin and Brodsky. *Journal “37”*, 9: 192—203. (In Russ).
- D. V. (1980). Chronika. In memory of Leonid Aronzon. *Clock*, 27: 296—298. (In Russ).
- Dubrov, A. (1973). *Samizdat in the Vienna literary journal*. Available at: <http://tamizdatproject.org/ru/people/andrei-dubrov> (accessed 28.02.2021). (In Russ).
- Dudinsky, I. (1985). What is the “Moscow idea”? The first approximation. *Mitin journal*, 6/ Available at: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj06/> (accessed 3.02.2021). (In Russ).
- Eisenberg, M. (2005). *Justified presence: A collection of articles*. Moscow: Baltrus: New publishing House. 212 p. (In Russ).
- Feather, A. (1985). To the question about the “Moscow to the idea”. *Mitin Zhurnal*, 6: Available at: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj06/puhovikov.shtml> (accessed 6.03.2021). (In Russ).
- Fomin, A., Chudinovskaya, T. (1986). Paper Satan (review of “Notes” by G. Benevich and A. Shufrin). *Hours*, 61: 251—264. (In Russ).

- From “Phoenix” to “Sphinxes”. (1965). *Grani*, 59: 3—6. (In Russ).
- Gorev, K. (1960). A few words about modern Soviet poetry. *Optima*, 1: 8—15. (In Russ).
- Goricheva, T., Poresh, V., Pazukhin, E. (1979). Discussion. *Journal “37”*, 18: 229—243. (In Russ).
- Goricheva, T. (1977). The Creator and the creature. Ideological introduction to “Simple Poems” by Elena Shvarts. *Journal “37”*, 11: 20—25. (In Russ).
- Groys, B. (1980). Two cultures in one culture. *Journal “37”*, 20: 67—76. (In Russ).
- H. V. (1980). A few words about a contemporary: Boris Kupriyanov. *Hours*, 28: 118—128. (In Russ).
- Ignatova, E. (1984). Who are we? *Hours*, 52: 212—220. (In Russ).
- Interview with Viktor Krivulin. Recorded by Dmitry Volchek. (1985). *Mitin magazine*, 6: Available at: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj06/krivulin.shtml> (accessed 19.02.2021). (In Russ).
- Ivanov, B. (1977). On the other side of formality. From the book “Hours of culture”. *Hours*, 8: 148—184. (In Russ).
- Ivanov, B. (1977). The Return of the paradigm (from the book “Hours of Culture”). *Clock*, 8: Available at: https://samizdat.wiki/images/3/39/HOURS_6-8-B-Ivanov-Return-paradigms.pdf (accessed 13.02.2021). (In Russ).
- Ivanov, B. (1978). Summary. On the eve of the 70th. *Hours*, 15: 1—4. (In Russ).
- Ivanov, B. (1979). Cultural movement as an integral phenomenon. *Hours*, 21: 209—221. (In Russ).
- Ivanov, B. (1981a). Realism and personality. *Hours*, 32: 208—240. (In Russ).
- Ivanov, B. (1981b). Realism and personality. Continuation. *Hours*, 35: 240—259. (In Russ).
- Ivanov, B. (1982). Realism and personality (continued). *Hours*, 36: 273—293. (In Russ).
- Ivanov, B. (1985). Public function of the cultural movement. *Hours*, 56: 237—246. (In Russ).
- Ivanov, B. (2003). Literary generations in the Leningrad unofficial literature of the 1950s—1980s. *Samizdat Leningrad. 1950s — 1980s. Literary encyclopedia*. Moscow: New Literary Review. 535—585. ISBN 5-86793-216-8. (In Russ).
- Ivanov, B., Krivulin, V., Volchek, D., Antonov, V., Iossel, M. (1986). Materials of the symposium “Ways of culture of the 60—80s”. *Hours*, 62: 198—233. (In Russ).
- Kalomirov, A. (1977). The problem of modern Russian poetry. Article I. Joseph Brodsky (“Place”). *Magazine “37”*, 9: 204—214. (In Russ).
- Kobak, A., Ostanin, B. (1986). Lightning and the rainbow: ways of culture of the 60—80s. *Hours*, 61: 325—373. (In Russ).
- Kozlova, S. M., Izotova, Ya. P., Komarov, S. A. (ed.). (2017). Ivan Zhdanov: about himself, about him, about his work. *Russian poetry of Siberia of the XX century: Ivan Zhdanov: monograph (Literary stars of Siberia; issue 3)*. Tyumen: Tyumen University Press. 16—72. ISBN 978-5-400-01417-8. (In Russ).
- Krivulin, V. B. (1977). Speech at the evening in memory of Leonid Aronzon. To the fifth anniversary of his death. *Journal “37”*, 12: 41—43. (In Russ).
- Krivulin, V. (1979a). Five years of the cultural movement. The connection of the movement of artists with the movement of poets. *Hours*, 21: 221—229. (In Russ).
- Krivulin, V. (1979b). Twenty years of the newest Russian poetry (preliminary notes). *Hours*, 22: 240—263. (In Russ).
- Kukulin, I. *Two births of uncensored poetry in the USSR*. Available at: <https://E:/Avangard/Ilya%20Kukulin.%20Dva%20generation%20nepodtsensurnaya%20poezii%20b%20SSR.html> (accessed 23.02.2021). (In Russ).

- Lemons, E., Shemyakin, M. (1977). Group “Konkret”. *Apollo-77*. Paris: [b. i.]. 43—46. (In Russ).
- Livshits, L. (1980). Tulupy We [We are sheepskin coats]. In: *Anthology of modern Russian poetry from the Blue Lagoon, 1*. 141—154. Available at: <https://kkk-bluelagoon.ru/tom1/philolog.htm#1> (accessed 19.02.2021). (In Russ).
- Maltsev, V. (1976). *Free Russian literature. 1955—1975*. Frankfurt am Main: Sowing. 474 p. (In Russ).
- Maltsev, Yu. (1971). Russian literature in search of forms. *Grani*, 80: 159—210. (In Russ).
- Mickelson, J. (1982). Russian religious poetry of the 70s. *Hours*, 38: 258—265. (In Russ).
- Nechaev, V. (1976). The moral significance of unofficial culture. *Grani*, 108: 241—252. (In Russ).
- Nikitin, V. (1985). The poetry of trance and the leap into the transcendent (sketches for the article). *Hours*, 58: 223—230. (In Russ).
- Nikonova, R. (1983a). Instead of the manifesto. *Transponance*, 16: 15—27. (In Russ).
- Nikonova, R. (1983b). Manifesto number three. *Transponance*, 18: 17—19. (In Russ).
- Nikonova R. (1984). I’m going to the channel. *Transponance*, 23: 155—186. (In Russ).
- Northern Post Office. Magazine of Poetry and Criticism. The issue is dedicated to the fortieth anniversary of Joseph Brodsky. (1980). *Northern Post Office*, 6. Available at: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/objectsamizdat%3A10667> (accessed 23.03.2021). (In Russ).
- Novikov, Yu. (1979). Criticism and modern non-conformist art. *Hours*, 21: 230—238. (In Russ).
- Osipov, V. (1971). Mayakovsky Square, article 70. *Grani*, 80: 107—136. (In Russ).
- Pankratova, E. V. (2019). *Literary strategy of the samizdat magazine “Hours”: the concept of independent literature*. PhD Diss. St. Petersburg. P. 251. (In Russ).
- Pazukhin, E. (1976). External and internal problems of our culture. *Archive*, 1: 2—6. (In Russ).
- Pazukhin, E. (1985). “Starry hours” of Russian poetry of the twentieth century. *Hours*, 57: 197—203. (In Russ).
- Petrov, V., Shemyakin, M. (1977). “Will they forget? That’s what surprised...”. *Apollo-77*. Paris: [B. I.]. P. 108. (In Russ).
- Poetry of today. (1962). *Art of the Commune*, 20, 23, 26, 27. (In Russ).
- Pokrovsky, O. V. (1976). Put your hand on my heart / From the memories of the poet R. Mandelstam. *Hours*, 2: Available at: https://samizdat.wiki/images/7/70/CHASY2_-_8-Mandelstam_Pokrovsky.pdf (accessed 03.03.2021). (In Russ).
- Savitsky, S. (2002). *Underground: the history and myths of Leningrad unofficial literature*. Moscow: New Literary Review. 224 p. ISBN 5-86793-186-2. (In Russ).
- Samizdat (Based on the materials of the conference “30 years of independent press. 1950—80 years” St. Petersburg, April 25—27, 1992)*. (1993). St. Petersburg: Scientific and Information Center (SIC) “Memorial”. 142 p. (In Russ).
- Sedakova, O. (1983). Notes and memories of various poems, as well as praise of poetry. *Hours*, 46: 1—35. (In Russ).
- Sedakova, O. (1990). Music of the deaf time. *Bulletin of New Literature*, 2. Available at: <https://www.olgasedakova.com/Poetica/175> (accessed 25.03.2021). (In Russ).
- Sedakova, O. (2010). Leonid Aronzon: the poet of the culmination. In: *Poetics*. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 515—529. (In Russ).
- Severyukhin, D. (ed.). (2003). *Samizdat of Leningrad. 1950s — 1980s. Literary encyclopedia*. Moscow: New Literary Review. 624 p. ISBN 5-86793-216-8. (In Russ).

- Sigey, S. (1979). On the “tasks” of transpoesis. *Transponance, 1*: 4—5. (In Russ).
“Sphinxes” № 1 — literary Russian magazine”. (1965). *Grani, 59*: 7—75. (In Russ).
- Stratanovsky, S. (1986). Something about avant-gardism. *Bypass channel, 10*: 293—300. (In Russ).
- Tarshis, A. (1981). Literature is a particle of the universe. *Transponance, 8*: 9—12. (In Russ).
- Ternovsky, E. (1976). Co-name and name. Poet and culture. *Grani, 100*: 424—438. (In Russ).
- Voznesenskaya, Yu. (1978). Answers to the questionnaire. *Magazine “37”, 18*: Available at: <https://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3A1828> (accessed 23.01.2021). (In Russ).
- Vykhodtsev, P. S. (1976). Review of the collective collection of Leningrad poets “Mite”. *Journal “37”, 4*: 151—166. (In Russ).
- Zhdanov, I. F. (2014). The defenseless courage of Evgeny Blazhevsky. *Culture of the Altai Territory, 1 (13)*: 50—53. (In Russ).
- Zhitenev, A. A. (2015). Boris Ivanov’s Philosophy of Culture. In: *Emblemataamatoria: Articles and sketches*. Voronezh: NAUKA–UNIPRESS. 66—79. ISBN 978-5-4292-0091-0. (In Russ).